

свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек. – М. : ИРИСЭН. – 2006. – 644 с.

15. Pylypenko A., Lytvynenko N., Voloshenuk V. Regional Map of Mentality after Hofstede: Lessons From Ukraine // Journal of US-China Public Administration. – Volume 9, Number 2, February, 2012. – P. 195-204.

16. Магун В., Руднев М. Жизненные цен-

ности населения: сравнение Украины с другими европейскими странами / В. Магун., М. Руднев // Украинское общество в европейском пространстве: под ред. Е. Головахи, В. Макеева. – К. : Суспільство, 2007. – 246 с.

Статья поступила в редакцию 17.01.2013

В.П. РЕШЕТИЛО, д.э.н., профессор,

Харьковская национальная академия городского хозяйства,

Н.С. ПЫЖ, к.э.н., доцент,

Харьковский национальный университет строительства и архитектуры

ДИНАМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Проведен анализ функционального назначения, структуры, места и роли институциональной системы в трансформирующемся обществе, показана зависимость характера институциональных систем от уровня развития материально-технической базы общества и накопленной в экономике страны сложности, выявлен нелинейный характер взаимодействия институциональной системы с экономической, политической и социальной системами, исследованы ключевые проблемы становления эффективной институциональной системы в Украине и ее роль в повышении качества реформирования экономики.

Ключевые слова: институты, системный анализ, институциональная система, целостность, иерархичность, эмерджентность, гибкость, адаптивность, многофункциональность, робастность институциональных систем, динамический анализ, эволюция, динамическое взаимодействие.

Анализ современного состояния экономики Украины еще раз доказывает, что без дальнейшего проведения глубоких институциональных реформ невозможен устойчивый экономический рост, поскольку «успех экономического, ровно как и политического развития главным образом зависит от степени совершенства институтов» [1, с. 4]. Институциональная основа общества – "главный ключ к относительному успеху экономик разных стран и в настоящее время и в будущем" [2, с. 92]. Изучению институтов и их влияния на ход экономического развития посвящены работы

многих как зарубежных, так и отечественных экономистов: Дж. Бьюкенена, Г. Беккера, Д. Норта [1], О. Тоффлера, О. Уильямсона [9], Р. Хейлбронера, У. Льюиса, В. Репке, Г. Мюрдаль, Ф. Перру, Р. Буайе, А. Гриценко [15], В. Дементьева, А. Олейника, Р. Нуреева, А. Шаститко, О. Яременко и других. Но, как показывает практика, попытки реформирования отдельных институтов заканчиваются провалом, поскольку речь должна идти об изменении типа и уровня сложности институциональной системы страны в целом. Целью данной статьи является анализ структуры, места и роли институциональной системы в трансформирующемся обществе, нелинейный характер ее взаимодействия с экономической, политической и социальной системами, исследование ключевых проблем становления эффективной институциональной системы в Украине.

Под институциональной системой понимается совокупность и взаимодействие действующих в стране формальных и неформальных принципов, правил, норм и процедур экономической деятельности, санкционированных законом или обычаем, а также организации и учреждения, политические и административные структуры, контролирующие соблюдение экономическими субъектами законодательных норм в интересах всей общественной системы. Функциональным назначением институциональной системы является обеспечение условий совместной жизнедеятельности хозяйствующих индивидов. Структурными элементами

© В.П. Решетило, Н.С. Пыж, 2013

институциональной системы выступают экономические, политические и социальные институты (формальные и неформальные, базовые и комплементарные, микро- и макроинституты, институты трансформации и производные институты), а также организации и соответствующие государственные учреждения, характер взаимодействия которых обуславливает качество институциональной системы. В отличие от совокупности отдельных институтов, "системой можно назвать только такой комплекс избирательно вовлеченных компонентов, у которых взаимодействие приобретает характер взаимодействия компонентов, направленных на получение фокусированного полезного результата" [3, с. 33]. Необходимым и достаточным условием возникновения и развития любой системы является наличие процессов внутренней (между компонентами системы) и внешней (системы с внешней средой) взаимной адаптации. Характерными чертами развивающейся системы являются сложность внутренней структуры, разнообразие форм проявления и приспособленность к внешней среде. Любая система, в том числе и социально-экономическая, состоит из естественных структур и образований (подсистем), группирующихся в функциональные компоненты на высших уровнях иерархической организации. Можно сказать, что система формирует среду существования для своих подсистем. Так, экономическая система общества в течении длительного времени выступала надсистемой по отношению ко всем другим системам общества. Главенство экономики в обществе закреплялось соответствующей системой институтов, как формальных – на уровне законодательства, так и неформальных – на уровне национального менталитета, традиций, обычаев, общественных норм, психологии и морали. По мере развития и усложнения экономической системы происходят изменения в ее институциональном обеспечении, которое формируется в соответствии с движущими силами и через реализацию функциональной структуры экономической системы. В итоге, соотношение экономической и институциональной систем общества формирует иерархическую структуру, которая организована как "ансамбль взаимодействующих частей, который состоит из последовательно вложенных одна в другую взаимодействующих субъединиц (или может быть разложен или разделен на такие субъединицы) (курсив наш – В.Р.)" [4, с. 9]. Институциональная система общества дей-

ствительно как бы "вложена" вовнутрь и экономической, и политической систем, и формирует вертикаль общественных отношений. Ее элементы одновременно образуют и собственные системные связи, и в то же время являются составляющими других систем общества. Институциональные структуры сами по себе не создают таких экономических категорий, как собственность, цена, заработная плата, деньги или капитал, а лишь образуют институциональные формы, в которых реализуются данные отношения. Поэтому институты выступают социально-правовыми формами выражения социально-экономических категорий, а институциональные системы производны от экономических систем, хотя и оказывают на них мощное обратное воздействие. Это означает, что в процессе трансформации институциональных систем следует иметь в виду, что уровень развития экономики страны создают ту внешнюю среду, в которой будут действовать соответствующие институты. Если скопировать не отдельный институт, а всю институциональную систему какой-то, пусть даже очень высокоразвитой страны, со всеми ее институтами, правовыми нормами, экономическими порядками и их взаимодействиями, и попытаться внедрить все это в практику другой страны, то экономика неизбежно отторгнет подобную институциональную оболочку, что постоянно и происходит в украинской действительности. Существующая экономическая среда должна сама порождать соответствующие уровню ее развития институты, и только затем она способна эффективно взаимодействовать с ними. В свою очередь, формируемые институты должны соответствовать достигнутому уровню развития экономики страны.

Как и для всякой сложной системы, для институциональной системы характерно наличие ряда общесистемных свойств: целостности, иерархичности, эмерджентности, гибкости, адаптивности, многофункциональности, робастности. Целостность институциональных систем – это внутреннее единство, внутренняя обусловленность в процессе развития институтов. Целостность институциональной системы проявляется в том, что изменение структуры, связей и поведения одних институтов оказывает воздействие на все другие элементы системы, и изменяет ее. Целостность институциональной системы глубоко связана с процессом формирования синергетических эффектов взаимодействия, поскольку для придания синер-

гетической силы всей системе, институциональные преобразования необходимо проводить системно.

Иерархичность институциональной системы означает, что она включена подсистемой в систему более высокого порядка, в то время как каждый ее компонент также является системой. При этом наличие нескольких уровней в развитии институциональной системы приводит к формированию и различных целей этих уровней, что порождает внутриуровневые и межуровневые конфликты. К примеру, общеизвестен конфликт между системой налоговых и бюджетных институтов, между институтом Центрального банка и институтами коммерческих банков и т. д. Но различные целевые функции различных подсистем институциональной системы требуют и компромисса целей, их гармонизации и приведения к единому знаменателю.

Важным общесистемным свойством институциональных систем является их эмерджентность. Термин "эмерджентный" (от лат. "emergere" – появляюсь) означает скачкообразный процесс появления нового высшего качества системы, в значительной степени независимого от количественных изменений ее элементов. Эмерджентность институциональной системы означает, что система в целом обладает свойствами, отсутствующими у ее отдельных компонентов – институтов и учреждений. Эмерджентность систем предполагает недопустимость их анализа на основе экстраполяции свойств составляющих ее структурных элементов на систему в целом. В развитии современных институциональных систем возникают и неожиданные (эмерджентные) пути развития, не подготовленные предшествующим историческим опытом или основанные на забытом опыте. Формирование эмерджентных свойств институциональной системы может быть проанализировано наиболее полно на основе методологии экономической синергетики, поскольку свойство эмерджентности формируется как синергетический эффект взаимодействия различных институтов, учреждений и хозяйствующих индивидов.

Важными общесистемными свойствами институциональной системы являются также свойства: гибкости – свойство изменять цель развития институциональной системы в зависимости от условий функционирования или состояния ее подсистем; и свойство адаптивности – приспособляемости к изменениям внешних и внутренних условий таким образом,

чтобы стабильность системы не нарушалась. Из этих свойств вытекает многофункциональность институциональной системы – то есть ее способность к реализации некоторого множества функций при заданной структуре, которая проявляется в свойствах гибкости, адаптивности и живучести. Следует выделить и такое свойство институциональной системы, как робастность – способность сохранять частичную работоспособность при отказе отдельных элементов или подсистем. Робастность объясняется функциональной избыточностью сложной системы и проявляется в степени изменения выполняемых функций, зависящей от глубины флуктуаций, воздействующих на систему. Свойство робастности институциональных систем особенно ярко проявилось в начале рыночных реформ, когда, несмотря на состояние глубокого институционального неравновесия, институциональная система, хотя и частично, но сохранила свою работоспособность.

Следует сразу же подчеркнуть, что динамический анализ институциональных систем имеет ряд сложностей. Во-первых, достаточно трудно выделить четкие границы институциональных систем. Это связано с тем, что один и тот же их элемент (институт) может одновременно принимать участие в различных процессах, он может быть одновременно и компонентом самой институциональной системы и компонентом окружающей ее среды (экономической, политической), что затрудняет анализ механизмов ее самоорганизации. Во-вторых, развитие институциональной системы является очень сложным многоаспектным процессом и возникает из кооперативных и когерентных взаимодействий не только экономических институтов между собой, но и при их взаимодействии с экономическими субъектами и организациями, а также в процессе определенного соотношения их самоорганизации и их организации со стороны государства. В-третьих, институциональная система, как и всякая сложная нелинейная открытая система, является не только динамической системой, но и системой стохастической, пребывающей под влиянием ряда случайных факторов, развитие которой не поддается точному и детальному долгосрочному прогнозу (особенно это относится к таким неформальным институтам, как психология, культура, менталитет, традиции населения страны). В-четвертых, институциональная система, в зависимости от степени публичности институциональных преобразований, их пребывания под гражданским контролем обще-

ства, может быть как открытой, так и закрытой системой. В–пятых, необходимо помнить, что в уже сложившихся институциональных системах формируются собственные реакции на изменение внешней среды, действует механизм отрицательных обратных связей, постоянно возвращающий систему на прежнюю траекторию развития. Это требует поиска особых резонансных зон, воздействие на которые способно разорвать подобный механизм. В–шестых, специфика институциональных систем определяется тем, что элементы таких систем – хозяйствующие индивиды – действуют сознательно, преследуя свои цели, в отличие, например, от физических систем. Поэтому современные институциональные системы представляют собой новый тип сложности, развивающейся по нелинейным законам, связанной с полным слиянием объекта и субъекта изменений. Рамки дилеммы "субъективное – объективное" в институциональных системах расширяются: институциональная структура формируется как в процессе спонтанного появления институтов, так и в ходе сознательного институционального строительства, закрепляемого законодательством. Сложное переплетение спонтанного и сознательного в институциональных изменениях определяется также тем, что на микроуровне действия людей, носят интенциональный характер (определяются соображениями полезности), а на макроуровне, – они носят нелинейный характер, т.е. зависят от результатов коллективных взаимодействий множества макроэкономических субъектов. Таким образом, при анализе институциональных систем необходимо учитывать, что, с одной стороны, их динамика подчинена общим принципам становления и развития сложных систем, а, с другой стороны, они формируются с участием интеллекта, способного производить отбор вариантов развития и в определенной степени направлять его.

Несмотря на многочисленные исследования, все еще открытым остается вопрос о месте институциональной системы в общественной системе в целом. В разные исторические периоды та или иная подсистема общества, находясь на вершине общественной иерархии, стремилась отождествлять себя с обществом в целом. "Общество предстает как нелинейная система, обладающая интегрирующим системообразующим фактором. Роль этого фактора в разных системах могут играть неодинаковые подсистемы, в том числе далеко не всегда экономическая сфера" [5, с. 67]. В

течение длительного периода человеческой истории определяющую роль в общественной системе играла не экономика, а политика. Как подчеркивает К. Поланьи", ни при родовом, ни при феодальном, ни при меркантилистском хозяйственном строе независимая экономическая система попросту не существовала. Общество XIX в., в котором экономическая деятельность была впервые обособлена и увязана с явно выраженными экономическими мотивами, стало, по существу, исключением" [6, с. 138]. На этот момент обращает внимание и Н. Луман. "... На определенном этапе эволюции общества ... политическая система имела приоритет и отождествляла себя со всем обществом. В дальнейшем приходит черед функционального приоритета системы хозяйства, которая отождествляет себя с обществом" [7, с. 129]. Таким образом, с развитием индустриального общества на вершине общественной иерархии оказывается экономика. Главенство экономики в обществе закреплялось соответствующей системой институтов, определяющих поведение хозяйствующих субъектов, как на уровне законодательства, так и на уровне традиций, обычаев, общественных норм. В результате, на индустриальном этапе развития общества, институциональная система выступает подсистемой по отношению к экономической системе и испытывает ее определяющее влияние. В силу подобной иерархии, институциональная система осуществляет свою деятельность не только по собственной программе (образ поведения), но и с учетом реакции на текущее, заранее неизвестное изменение экономической надсистемы (акт поведения) [8, с. 24]. Из этого следует, что выбор того или иного типа институциональной системы не является совершенно свободным, он зависит от накопленной в экономике страны сложности. Говоря языком синергетики, фрактальность экономического устройства оказывает определяющее влияние и на структуру институциональной системы.

Наиболее глубоко связь между материально-техническими условиями производства и уровнем развития социальных структур показана в теории К. Маркса, который сформулировал известный тезис о взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. Поскольку в основе производственных отношений лежит институт собственности, то становление и изменение институциональных структур прямо определяется уровнем развития производительных сил общества. И хотя,

по мнению Д. Норта, вопрос о связи институтов с уровнем материально-технической базы общества является не до конца изученным, исследуя механизмы институциональных изменений, Д. Норт пишет, что они развивались под влиянием двух сил: экономии от масштабов производства, которая приводила к росту объемов производства и интенсификации обменов; и развития более совершенных механизмов надзора за выполнением контрактов с меньшими издержками [2, с. 123]. Как видим, в первом случае явно просматривается связь между формированием новых институциональных структур и развитием производительных сил. О. Уильямсон также считает технологический детерминизм не столь значимым фактором в становлении институтов. По его мнению, гораздо большее значение имеет уровень трансакционных издержек [9, с. 78]. В процессе функционирования экономики происходит селекция институтов, в результате которого приоритет отдается тем из них, которые обеспечивают минимальные трансакционные издержки организаций. Однако, процесс хозяйственной деятельности неразложим только на экономическую и только на трансакционную составляющие, и в действительности организации стараются минимизировать не только трансакционные, но и экономические издержки. Кроме того, в своей работе О. Уильямсон, среди основных форм специфичности активов, все-таки отмечает местоположение и технические характеристики основных фондов, и тем самым вводит в анализ институтов и технологический фактор [9, с. 188]. М. Кастьельс, считает, что социальное (институциональное) и экономическое (рациональное) оказываются неравноправными: рациональное всегда побеждает, что говорит о примате экономики над институциональной системой. В то же время М. Кастьельс, выделяя такие способы развития, как аграрный, индустриальный и информационный, утверждает, что под воздействием тех возможностей, которые открывает информационная экономика, обязательно установится примат социального (институционального) над экономическим [10, с. 450]. Следует также отметить, что в настоящее время все большее число экономистов указывают на неправомерность ухода экономической теории от анализа определяющей роли производства. В частности, известный американский экономист С. Уинтер, в статье "Очерк о теории производства" отмечает, что существует определенный скептицизм по поводу того, в доста-

точной ли степени экономическая теория отражает реальность, особенно с позиций исследования определяющей роли отношений производства [11, р. 67]. О взаимосвязи уровня развития экономики с имеющимися институтами пишут и американские экономисты, которые ставят задачу построения объединенной теории экономических и трансакционных издержек [12].

Доказательства зависимости характера институциональных систем от уровня развития материально-технической базы содержатся также в исследованиях политологов и социологов. В частности, известный американский социолог Р. Ингльхарт пишет о том, что изучение институциональных систем многих государств показывает, что существуют значительные культурные паттерны (стили, шаблоны, модели), тесно увязанные с достигнутым уровнем экономического развития [13, р. 57]. Ингльхарт замечает, что чем выше в стране процент занятых в обрабатывающей промышленности, тем больше людей поддерживают материалистические ценности. Более высокий процент занятых в сфере услуг ведет к росту поддержки постматериалистических ценностей и к росту общественной активности. Он утверждает, что в процессе перехода экономики США на постиндустриальный этап развития и роста благосостояния населения, его интересы стали перемещаться из сферы материальной в сферу постматериальную. Соответствующие социокультурные изменения в наибольшей мере характерны для молодого поколения, выросшего в более благоприятных экономических условиях. В постиндустриальных системах население все сильнее осознает, что его процветание связано все больше с его политической и общественной активностью. Люди готовы отодвигать свои индивидуальные цели ради коллективных, становятся более требовательными к деятельности государственных институтов и их совершенствованию. Но такие устремления, считает Р. Ингльхарт, было бы трудно поддерживать без процветающей промышленной и технологической инфраструктуры. Его общий вывод состоит в том, что экономическое развитие, институциональные и политические перемены идут параллельно, и в своих истоках имеют единую логику [13, р. 126].

Таким образом, институциональные системы эволюционируют вместе с экономическими системами и обществом в целом, а уровень развития экономики создает тот характер

материально- технологической среды обитания, в которой будут действовать соответствующие институты. Возникновение институтов также объясняется прежде всего факторами, содержащими типичные признаки функционирующей социально-экономической системы. Из этого следует, что не может быть полного и непротиворечивого описания поведения институциональной системы без анализа состояния как экономической системы, так и общества в целом. В истории человечества наиболее устойчивыми оказывались те общества, где экономические, политические и институциональные системы были не только взаимосвязаны, но и взаимоадекватны. Подобный вывод находится в полном соответствии с методологией системного анализа, согласно которому никакая сложная система не может быть описана изнутри, а только через выход в более сложную систему, верхний уровень которой позволяет снять противоречия (парадоксы) анализируемой системы. В этом смысле истина всегда лежит вне анализируемой системы и всегда глубже анализируемой системы доказательств (теорем). Институциональные системы производны от экономических систем, а институты выступают социально-правовыми формами выражения социально-экономических категорий. Но в силу действия обратных связей, институциональные системы выступают как некая правовая и нормативная конструкция, обуславливающая характер проявления функциональности экономической системы. Именно институциональная система придает социально-экономической системе ее специфические и неповторимые качества, и только в этой неповторимости и специфичности и способна существовать экономическая система. Институциональные структуры как бы "растворяются" в определенных формах экономической деятельности, и вместе они формируют такую иерархическую систему, которая организована как "ансамбль взаимодействующих частей, который состоит из последовательно вложенных одна в другую взаимодействующих субъединиц (или может быть разложен или разделен на такие субъединицы (курсив наш – В.Р.)" [14, с. 8]. Институциональная система действительно как бы "вложена во внутрь" и экономической, и политической систем, формируя вертикаль общественных отношений. Такая особенность положения институциональных систем в общественной иерархии дает основание для понимания всего общества как большого институ-

та. Так, по мнению А.А. Гриценко, "в обществе нет ничего, что не представляло бы собой институт. ...В этом плане все общество представляет собой один, но дифференцированный внутри себя институт. Институты – это не просто элементы общества, а все общество, рассмотренное в определенном аспекте. В таком понимании различные определения перестают существовать как альтернативные, а становятся формами выражения исходного отношения и принципа. Исследуются только правила, нормы, способы деятельности, но они исследуются не непосредственно, а как представленные в организациях, учреждениях, в технике и технологии, в образе мысли и т.д." [15, с. 134].

Исследование целостных институциональных систем, а не отдельных институтов, их взаимосвязи и взаимодействия с экономической, социальной и политической системами общества приводит и к более глубокому пониманию их национальной специфики, наличия в них определенного соотношения общего и особенного, что является основой самоидентификации нации, ее понимания самой себя, своих институциональных недостатков и преимуществ. Принимая это во внимание, можно более реалистично подходить к трансформации социально-экономических систем, учитывая как общие закономерности этих процессов, так и национальные особенности. Так, корни возникающих принципиальных различий между формальными и реальными процессами, происходящими в трансформационной экономике, следует искать в институциональной системе командной экономики. "Конституция" командной экономики определялась в основном неформальными нормами: правовой нигилизм, преобладание личных связей, неявных сделок, неписаных правил и договоренностей, патернализм, персонифицированное доверие, подчиненность интересам вышестоящих организаций, расхождение официально провозглашаемых и реальных норм поведения, действие "телефонного права". В течение многих лет законы оставались сами по себе, а народ жил по неписанным правилам, в основе которых лежали наличие связей и "своих" людей в соответствующих организациях, и, прежде всего в органах власти. Во всех звеньях хозяйственного механизма – в отношениях между предприятиями, между предприятиями и государством, между различными ветвями и уровнями власти – неписанные правила и договоренности преобладали над требованиями закона и другими

формальними ограничениями. В результате в стране сформировался "феномен двойственности" институциональной структуры, который определяет особенности поведения людей и в условиях рыночных преобразований, порождая новые деформации и общественные аномалии. Все экономические институты предыдущей системы базировались на власти государственной бюрократии, формирующей разрыв между формальными государственными решениями и постановлениями, и реальными процессами, происходящими в экономике. В результате в недрах командной экономики сложилась мощная система неформальных институтов, не подкрепленная соответствующими правовыми нормами. В обществе сложилось убеждение, что все эффективное, выгодное, правильное осуществляется вопреки действующим государственным законам и нормам. Подобный "двойной" стандарт прочно укоренился в общественном сознании и продолжает действовать до настоящего времени, что порождает в обществе правовой нигилизм и неверие в возможности государства принимать эффективные хозяйственные решения.

Реальный запас рутин, накопившихся в среде высших менеджеров за десятилетия командной экономики, фактор инерционности институциональной системы в целом заметно снижают темп нынешних преобразований. Ведь главный элемент такой системы – человек, а люди консервативны, мало склонны менять свои привычные принципы поведения. Когда коэффициент инерционности значителен, то влияние других факторов экономического развития ослабляется, снижается эффективность государственной экономической политики. Инерция недоверия к экономической политике государства является важнейшим институциональным фактором, сдерживающим реформы в стране. Политические институты проявляют инерцию в создании законодательной базы, административный аппарат и субъекты хозяйственной деятельности демонстрирует инерцию привычки неисполнения законов. Преодоление инерции требует времени и значительных издержек, и самое главное, радикальных институциональных реформ. Именно институциональные факторы ответственны за то, насколько быстро система двинется по новой траектории и будет устойчива к внешним влияниям. При этом следует учитывать, что конкретные формы хозяйственной деятельности регулируются экономическими нормами и правилами и материализуются в

конкретных законах. К сожалению, в настоящее время законы часто подменяются чисто политическими решениями, программами и проектами, участники которых вполне легально оказываются вне сферы действия правовых норм, которые к тому же являются неэффективными. Все это порождает бюрократизацию экономики и коррупцию, которые остаются главнейшими институциональными проблемами в Украине. Все большее число наблюдателей отмечают, что от решения проблемы ликвидации коррупции в нашей стране зависит сама возможность ее дальнейшего экономического развития, сохранение и перспективы развития украинской нации.

Институциональные преобразования в Украине требуют сегодня выполнения нескольких условий: неприкосновенности прав частной собственности, исполнения контрактов и неотвратимости ответственности за нарушение законов. Центральное звено системы законов и правил – право собственности. Расплывчатость, неопределенность и неполнота прав собственности, непоследовательность, противоречивость и изменчивость действующих экономических правил деформируют финансовые отношения в стране, препятствуют реструктуризации и инвестициям в реальном секторе экономики. Требуются механизмы и структуры, обеспечивающие обязательное выполнение правил всеми агентами экономики, всеми ее «игроками», включая, прежде всего правительство.

Несмотря на два десятилетия реформ, украинское общество все еще стоит и перед проблемой формирования эффективных институтов контрактного права, системы предпринимательства, создания рыночного трудового права, поддержки конкуренции, изменения сложившихся стереотипов и рутин. Контрактное (договорное) право все еще не стало главным элементом институциональной системы в стране, хотя именно оно позволяет определять условия контрактов, процедуры их выполнения, создает возможность для разрешения споров, устанавливает варианты компенсаций в случае нарушения контрактов, а также способы предсказуемого реагирования на непредвиденные ситуации, возникающие в ходе выполнения контрактов.

Важность проведения дальнейших преобразований связана и с необходимостью создания институционального механизма активизации инновационных процессов. Надежды на то, что такой механизм может появиться в

Украине сам по себе, вместе с развитием рыночных отношений, оказались пустой иллюзией. Здесь требуется не только специфическая, ориентированная на инновации, институциональная система, направленная на поддержку бизнес-инкубаторов, технополисов и технопарков, венчурных фирм и сетевых кластеров, но и прямые инвестиции государства в человеческий капитал, непосредственное государственное финансирование соответствующих научно-технических программ. Не последнюю роль в этих процессах играет интеллектуальный уровень правительства и квалификация исполнителей, их умение владеть эмпирическими данными и использовать новейшие результаты прикладного анализа.

Современный этап системных трансформаций в Украине требует и принципиально новой государственной экономической политики, направленной на сознательное управление процессами институциональных преобразований, с учетом внутреннего, собственного состояния системы и правильного выбора резонансных зон, на которые должны быть направлены воздействия государства. Качество институциональных изменений напрямую зависит и от институциональных инвестиций, которые включают в себя затраты на получение необходимой системы знаний о путях и возможностях институциональных преобразований, разработку способов общественно-политической поддержки этих изменений. Значительные институциональные инвестиции необходимы для формирования эффективной судебной системы и правоохранительных органов, для эффективного функционирования института государства, для укрепления институтов гражданского общества. Значительные институциональные инвестиции способны оказывать решающее влияние на формирование качественно новых институтов и темпы институционального расширения. Так, миллиардные инвестиции для строительства новых институтов в свое время получили целый ряд стран Восточной Европы, а несколько позже и Грузия, что сыграло решающую роль в повышении качества институциональной системы этих стран. При этом уже давно настало время перехода от модели "политической модернизации" институциональной среды, предполагающей активное предложение институтов со стороны государства, к модели "рыночной модернизации", ориентирующейся на спрос на институты со стороны самих участников рынка. Модель рыночной модернизации институ-

тов предполагает, что институциональным реформам должна предшествовать конституционно утвержденная процедура изучения спроса на эти реформы со стороны всех субъектов национального рынка. Усовершенствование деятельности государства в этих условиях означает реформирование не его политики как таковой, а конституции политики, правил ее проведения. Государство должно уходить от традиционной системы управления и осваивать принцип управления как диалога – управлять не объектом, а взаимодействием субъектов разного уровня. Речь идет об организации взаимодействия институтов, на базе которых проводится государственная экономическая политика, а также о взаимодействии форм и методов этой политики. Функция государства в сегодняшних условиях состоит не только в создании условий для осуществления необходимых институциональных изменений, но и в проведении экономической политики, базирующейся на принципах взаимодействия ее различных направлений, и получения максимальных синергетических эффектов. В настоящее время как отечественная экономика, так и экономическая политика оказались разделенными на отдельные, слабо связанные между собой уровни. Объединение различных секторов экономики в единую самоорганизующуюся систему под силу только институциональной системе. Политика, проводимая государством в условиях становления самоорганизующейся экономической системы, должна проводиться с учетом того, как то или иное решение государства скажется на системе взаимодействий экономического и институционального потенциалов, какой синергетический эффект будут иметь принимаемые решения, как они отразятся на механизмах самоорганизации экономической и институциональной систем.

Литература

1. Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к экономической и политической деятельности // Вопросы экономики. – 2012. – № 3. – С. 4-31.
2. Норт, Даглас. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки / Пер. з англ. І. Дзюб. – К.: Основи, 2000. – 198 с.
3. Карташев В.А. Система систем: Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-Академия, 2005. – 378 с.
4. Николис Дж. Динамика иерархических систем: Эволюционное представление. – М.: Мир, 2009. – 318 с.

5. Леонтьев В. Экономическое эссе. Пер. с англ. – М.: Наука, 1990. – 289 с.
6. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги // THESIS. – 1993. – Т. 1. Вып. 2. – С. 10-17.
7. Посконина О.В. Философия государства Никласа Лумана. – Ижевск.: Сигма, 2006. – 258 с.
8. Моросанов И.С. Первый и второй законы теории систем // Системные исследования: Методологические проблемы. Ежегодник. / РАН. Ин-т. систем.анализа. – М.: Эдиториал УРСС, 1996. – 218 с.
9. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, "отношенческая" контракция. – СПб.: Лениздат, 1996. – 702 с.
10. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология –М.: Academia, 1999. – С. 420-500.
11. Winter S.G. An Essay on Theory of Production // Economics and World around It. Ed by S.H. Humans, Ann Arbor, 1982, - pp. 50 - 75.
12. См.: Langlois R. Transaction Costs, Production Costs, and Passage of Time. – Coasean Economics: Law and Economics and the New Institutional Economics / Ed. By S. Medema. – Kluwer Academic Publishers, Boston, 1997. – pp. 1 –22.
13. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic, and Political Change in Societies. – Princeton, 1997. – 178 p.
14. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с франц. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
15. Гриценко А.А. Особливості інституційної архітектоники українського суспільства ХХІ століття. В кн.: Економіка України: стратегія і політика довгострокового розвитку / За ред. акад. НАН України В.М. Гейця. – К.: Ін-т екон. прогнозів.: Фенікс, 2003. – С. 130 – 170.

Статья поступила в редакцию 17.01.2013

УДК 330

Е.Г. КАЗАНЦЕВА, к.э.н, доцент, заведующая кафедрой экономической теории Кемеровский институт, филиал Российского государственного торгово-экономического университета

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ КРУПНЕЙШИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

В современных условиях позиции страны в глобальной экономике во многом зависят от эффективности деятельности ее крупнейших компаний. В работе рассматриваются проблемы формирования и поддержки компаний, имеющих ключевое значение для развития экономики страны и укрепления ее позиций на мировом рынке. Особое внимание уделяется проблемам согласования интересов государства и ведущих компаний (национальных чемпионов).

Ключевые слова: национальные чемпионы, государственное регулирование, государственная поддержка, экономический кризис

Обеспечение экономической безопасности государства во многом зависит от эффективности деятельности крупнейших компаний и успешности их позиционирования на мировом рынке. С ними связаны надежды на инновационное развитие, продвижение продукции на мировые рынки, усиление роли страны в

глобальной экономике. Они обладают возможностями использования преимуществ функционирования в мировом экономическом пространстве, значительными финансовыми ресурсами. Так, в 2010 году доходы олигополистических корпораций Exxon Mobil (США) или Royal Dutch – Shell Group (Великобритания) были сопоставимы с ВВП Австрии, Норвегии, Швеции, Toyota (Япония) – с ВВП Гонконга, Израиля, Чешской республики, Румынии [5]. Особый статус в глобальной экономике и экономическая мощь компаний позволяют реализовывать экономические стратегии, выгодные как им самим, так и странам их базирования.

Крупнейшие компании как национальные чемпионы. Для обозначения компаний, которые играют существенную роль в экономике страны и обеспечении дальнейших перспектив ее развития, часто используют термин

© Е.Г. Казанцева, 2013